

Шарматовых. — С.И.) указывал еще Адиль-Гирей Кешев. Он свидетельствовал, что шарматы слывут между абазинами коренным дворянским родом» [Бейтуганов 1989: 119]. *Шарматырҭа* — абазины-тапанта, лежит в основе более десяти топонимов в а. Гвымлокт и Дарыкъвакт.

Как видно из приведенных примеров, этнотопонимы окажут большую помощь не только в изучении и сохранении языка, но и в исследовании проблем этнокультурных связей народов, как Кавказа, так и некоторых народов мира.

Библиография

Бейтуганов С.Н. Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. Нальчик, 1989.

Ионова С.Х. Абазинское наименование Кавказских гор // Академия. М., 2003. Вып. 2.

Никонов В.А. География названия Млечного пути // Ономастика Востока. М., 1980.

И.Я. Картоев

ИНСТИТУТ ОПЕКИ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НАРОДОВ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Функционирование институтов опеки и попечительства в судебной системе Терской области в последней трети XIX — начале XX в. может рассматриваться как один из примеров рецепции обычаев и традиций горцев и их интеграции в правовую систему Российской империи. Это объясняется тем, что, во-первых, в разное время опека и попечительство являлись неотъемлемой частью традиционной системы регулирования общественных отношений у коренных народов Северного Кавказа; во-вторых, эти институты стали важной частью деятельности горских словесных судов и сельских судов и были регламен-

тированы принятыми в установленном порядке нормативными актами.

По мнению А.Х. Абазова, в последней трети XIX — начале XX в. в Терской области была сформирована многоуровневая судебная система [Абазов 2014: 17]. В эту систему входили Владикавказский окружной суд, мировые судьи и съезды мировых судей, горские словесные суды, станичные и слободские, аульские и участковые суды, а также третейские суды.

Если в конце XVIII — первой половине XIX в. общественные отношения, связанные с опекой и попечительством, у народов Терской области преимущественно регламентировались нормами обычного права и шариата, то после окончания Кавказской войны в этой сфере стало применяться и российское законодательство. Несмотря на то что в нормативно-правовых актах были строго определены сферы применения каждой из нормативно-регулятивных систем, в правоприменительной практике горских словесных и сельских (аульских) судов «применялись только те нормы, которые предварительно изучались и получили одобрение у представителей местной администрации» [Арсанукаева 2009: 66–71].

Н.Н. Харузин отмечал, что у чеченцев женщина к опеке не допускалась [Харузин 1888: 131]. Опекуном мог стать старший сын умершего или безвестно отсутствующего лица, достигший совершеннолетия, а при его отсутствии — дядя или другой ближайший родственник [Арсанукаева 2009: 66–71]. Отсутствие родственников по отцовской линии давало возможность родственникам со стороны матери стать опекунами над племянниками [Харузин 1888: 131]. Если у сирот не оставалось родственников, то опекунов над ними предоставлялось какому-то жителю селения, пользующемуся доброй славой, по его согласию [Харузин 1888: 131]. В особых случаях обязанность опекуна мог принять на себя кадий [Леонтович 1883: 102].

Л.Г. Свечникова считает, что в обычном праве народов Кавказа опека и попечительство не получили сколько-нибудь подробной и четкой регламентации [Свечникова 2003]. При этом она констатирует, что опека устанавливалась в следующих случаях: над бездетной вдовой; над вдовой и ее детьми; над детьми,

потерявшими обоих родителей [Свечникова 2003]. Напротив, деятельность горских словесных судов регламентировалась «Временными правилами для горских словесных судов Кубанской и Терской областей» (1870). Для исследования поставленной проблемы этот документ представляет огромный интерес, так как в него вошла специальная глава, регламентирующая основания и условия функционирования опеки и попечительства. Дела, связанные с опекунством, составляли значительное направление деятельности горских словесных судов. В п. 73 «Временных правил...» определялся круг связанных с опекунством вопросов, отнесенных к их компетенции [Временные правила 1894]. Среди них «выбор опекунов для попечения лиц и имуществ малолетних, когда духовным завещанием не назначено им таковых, или, когда назначенные опекуны не оправдали своего назначения; а также выбор опекунов над именными владельцев, не могущих почему-либо управлять своею собственностью, как-то: умалишенных, расточительных и проч.».

Опека могла также устанавливаться и над имуществом опекаемых владельцев, находящихся в далеком и долгом отсутствии. Опекуны назначались судом. Ими могли стать люди «благонадежные и вполне соответствующие этому назначению». Они утверждались «в этом звании Начальником Округа (уезда)». Судьи горских словесных судов в судебных решениях по этой категории дел обязаны были указывать на причины ее учреждения, давать сведения о лицах, назначаемых в опекуны, приводить перечень имущества, поступающего в опеку, и отмечать размер полагающегося по нормам обычного права вознаграждения опекуну. Со своей стороны, опекуны должны были ежегодно представлять отчеты в соответствующий горский словесный суд. В случае необходимости суд мог направить проверяющего к месту нахождения опекаемого имущества.

К тому же «Временные правила» установили и саму процедуру назначения опекунов и попечителей. Так, опекунами могли быть назначены только люди с хорошей репутацией. Кандидатуры опекунов горские словесные суды предлагали на утверждение начальников соответствующего округа. Опекуны вступали в свои права только после официального утверждения

начальником округа. Помимо прочего в обязанности горских словесных судов входила регулярная проверка действий опекунов и попечителей по пользованию доверенного им имущества.

М.С. Арсанукаева отмечает, что «в случае растраты имущества умершего и грубого обращения с сиротами последние были вправе жаловаться кадию» [Арсанукаева 2010: 111]. Существовал и ряд других правил, которые регламентировали отношения в этой сфере. Например, при установлении правомерности обвинений в адрес опекуна кадий заменял его другим, более подходящим лицом и в случае растраты требовал от несостоявшегося опекуна возмещения потраченного. После достижения совершеннолетия (15 лет) опека над сиротой прекращалась, и опекун в присутствии кадия и родственников передавал своему воспитаннику оставшееся имущество отца согласно составленной описи. Недостачу опекун возмещал за свой счет [Леонтович 1883: 80]. Попечительство над имуществом больных и расточителей поручалось ближайшим их родственникам. У чеченцев жены не могли быть опекунами [Там же: 103].

В ходе реализации судебной реформы 60-х годов XIX в. на Центральном Кавказе была предпринята попытка дифференциации объектов опеки и попечительства по стоимости имущества. Это было закреплено в соответствующих нормативно-правовых актах. Например, во «Временных правилах для горских словесных судов Кубанской и Терской областей» (1870) устанавливалось, чтобы «опекунские дела при стоимости имущества свыше 100 руб. рассматривались горскими словесными судами, а все остальные — сельскими (аульными) судами». К подсудности горских словесных судов были отнесены дела по опеке над лицами, принадлежащими только к горскому населению, и имуществом, оставшимся после горцев (ст. 72) [РГВИА. Л. 6–7]. Поэтому назначение опекунов и попечителей также входило и в компетенцию сельских (аульных) судов и сходов. Кроме того, дела об опеке и попечительстве рассматривались не только горскими словесными, но и сельскими (аульными) судами, созданными в 1870 г. в соответствии с «Положением о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской

области». Кадий, входивший в состав судебной коллегии, разрешал наследственные и семейные споры исходя из норм шариата. В различных инструкциях, разработанных представителями местной администрации для сельских кадиев, четко определялся порядок ведения ими опекунских дел.

Порядок назначения опекунов существовал и для сельских сходов. И.Л. Бабич отмечает, что «общинники в присутствии старшины выбирали опекуна, который осуществлял контроль над имуществом умершего сельчанина, принадлежащим оставшимся сиротам, до их совершеннолетия» [Бабич 1999: 71]. Старшина подписывал общественный приговор и направлял его на утверждение в горский словесный суд. В соответствии со ст. 77 «Временных правил...», в случае прекращения оснований, послуживших поводом для учреждения опеки (достижения совершеннолетия, признания дееспособным или смерти опекаемых, возвращения отсутствовавшего собственника и др.), с согласия начальника округа имущество от нее освобождалось. Поэтому по достижении совершеннолетия опекаемым горский словесный суд снимал опекунство.

Все это является одним из наглядных примеров интеграции обычаев и традиций горцев Северного Кавказа в правовое пространство Российской империи в последней трети XIX — начале XX в.

Источник

Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 1. Д. 245.

Библиография

Абазов А.Х. Нальчикский округ в судебной системе Терской области (последняя треть XIX — начало XX в.). Нальчик, 2014.

Арсанукаева М.С. Имущественные отношения в правовой культуре чеченцев (XIX — нач. XX в.) // Ценности и смыслы. 2010. № 4.

Арсанукаева М.С. Регулирование отношений опеки и попечительства у чеченцев и ингушей (XIX — начало XX в.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2009. № 2.

Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов. М., 1999.

Временные правила для Горских словесных судов Кубанской и Терской областей, утвержденные Наместником кавказским 18 декабря 1870 года // Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. Вып. 4.

Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1883. Вып. II.
Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912.

Свечникова Л.Г. Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX в.: Дис. ... д.ю.н. М., 2003.

Харузин Н.Н. Записки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1888.

Е.И. Кобахидзе

НАЛОГИ И ПОВИННОСТИ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Свое место в общей системе правительственных мер по утверждению на Северном Кавказе «гражданственности» занимала практика налогообложения, которая рассматривалась как один из механизмов инкорпорации местных народов в хозяйственно-экономическую систему государства. Как и другие аспекты внутренней политики правительства по отношению к окраинам, налогообложение здесь также имело свою специфику, которая заключалась во введении, помимо общеимперских налоговых установлений, особых норм, отвечающих в первую очередь интересам фиска.

Первые шаги в экономическом подчинении Центрального Кавказа были предприняты еще в начале 30-х годов XIX в., когда одновременно с учреждением системы приставства на территории Осетии ее население было обложено подворной податью [АКАК 1878: 373]. Кроме того, общинники отбывали довольно обременительные дорожную и подводную повинности, установленные А.П. Ермоловым в 1818 г. [ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 5. Д. 319. Л. 28–29 об.].